

«Политическое искусство преходяще»

Инна Баженова о коллекционировании и выборе

МЕЦЕНАТ, коллекционер, основатель культурного фонда In Artibus и владелец международного издания The Art Newspaper, который занимается интеграцией российского искусства в мировой контекст, Инна Баженова рассказала Марине Анциперовой, уместна ли политика в искусстве и для чего в 2012 году была учреждена премия The Art Newspaper Russia.

— Тернеровскую премию музей Тейт придумал на волне кризиса в Британии в 1984 году, чтобы вернуть интерес к современному искусству, и превратил церемонию в шоу с теледебатами. В награждении принимают участие Джуд Лоу и Йоко Оно. Вы на этот пример ориентировались, когда учреждали премию The Art Newspaper Russia?

— Это был абсолютно маркетинговый ход: мы тогда запускали новое издание, для меня это было совсем новое занятие, и мы хотели как можно громче о себе заявить. Когда газете исполнился год, мы решили это достойно отметить, и родилась идея не просто собрать вечеринку, но как-то поощрить самые заметные события в мире искусства — по версии редакторов, которые весь год работали с этим материалом. Тогда мы даже подумать не могли, что все это выльется в такое масштабное шоу: сама церемония — арт-перформанс.

Уже существующим премиям мы себя не противопоставляли, поскольку ориентировались на совсем другой охват и номинантов, и аудитории. Все премии тех лет были сосредоточены на современном искусстве и художниках — я думаю, что важнее этого на самом деле мало что может быть: абсолютно необходимо поддерживать своих современников.

Но мы для себя выбрали более широкий и универсальный формат, потому что пишем не только об этом — мы рассказываем и о старых художниках, и о реставрации. И в этих направлениях тоже стараемся поощрить самые заметные успехи.

— Выбор финалистов всегда сложная задача, но было бы интересно узнать, какая номинация кажется для вас лично самой сложной?

— Лично для меня — это «Музей года» и «Личный вклад». У нас так много грандиозных (и зачастую самоотверженных) музеев, что совершенно непонятно, как можно в принципе выбрать между суперпроектами Пушкинского и Эрмитажа или не менее важными выставками маленьких музеев, в которые основатель часто вкладывает все свое время и средства. Это совсем разные весовые категории, но мы

восхищаемся и теми и другими. Единственно правильного решения не может быть, так что хорошо, что у нас есть редакция, где можно выслушать разные мнения.

— Вы поддерживаете музеи, которые держатся на энтузиазме, и содержите медиа, которое, простите, не секрет ни для кого, дело убыточное. Что позволяет вам не отчаиваться?

— Мы хотим делать искусство более популярным, а профессионалам дать пространство, где они могли бы делиться знаниями. Мы делаем то, что нам интересно и приносит удовольствие, общаемся с удивительными людьми, имеем возможность видеть выставки изнутри и прикасаться к искусству. А если говорить об отчаянии, то в какой-то момент меня настигло скорее коллекционерское отчаяние: в музеях понимаешь, какого уровня искусство существует и что никогда оно не будет твоим. А работа на энтузиазме позволяет общаться с искусством, которое в частной жизни недоступно. Конечно, хочется, чтобы вещи из моей собственной коллекции соседствовали с другими произведениями искусства внутри моих стен, но если удается собрать их все под одной крышей и увидеть полную картину, скажем, в рамках международных выставок за границей — меня это тоже устраивает.

— Рисунки скульпторов вы сейчас показываете, потому что вас всегда волновало, как соотносятся пространство и плоскость в изобразительном искусстве. Греческую статуэтку купили потому, что она перекликается с работами вашего любимого художника Владимира Вейсберга (советский художник, 1924–1985 годы. — «Коммерсантъ. Стиль»). Получается, что, собирая свою

коллекцию, вы пытаетесь найти ответы на какие-то фундаментальные вопросы в искусстве?

— Рифмы между скульптурой и рисунками достаточно известная тема. А рисунки Родена и Майоля вполне доступны — как и их небольшие скульптуры. Рифмы в коллекции — осознанный выбор. Но мои рифмы могут не укладываться в привычные концепции. Модернистская скульптура может рифмоваться, например, с китайским камнем-гонши, у меня есть такой. Камень тоже скульптура, он обработан, но так тонко, что глазу это незаметно. Такая обработка считалась высшим мастерством — природная форма, но при участии человека. Главное — не пережать, не испортить природную форму. Это метафора того, что вообще делает художник.

— Вы говорили, что Вейсберг для вас важен, потому что он не выражал ни господствующих политических идей, ни андерграундных, стремился к абсолюту. У меня здесь два вопроса: можно ли сказать, что вы именно так определяете истинное искусство — искусство ради искусства — и недолюбливаете искусство политическое?

— Политическое искусство меня не слишком интересует: оно, наверное, призвано улучшить человеческую жизнь, но ее можно улучшить разными способами. Чистое искусство тоже способно это делать. Оно вообще-то призвано улучшить человеческую природу, но, разумеется, такого человека, который к этому предрасположен. Мне сложно судить о политическом искусстве — это особенный вид искусства, и более справедливо о нем должны высказываться эксперты, но в моих глазах такое

искусство преходяще, и его коллекционирование в значительной степени зависит от вкуса собирателя. А в моей коллекции собрались египтяне, греки и европейцы, которые размышляли о законе гармонии, независимом ни от эпохи, ни от политики. — Еще вопрос о коллекции: если коллекция монет или, условно говоря, марок, как считают в арт-кругах, теоретически конечна, поскольку в мире их ограниченное количество, то как быть с коллекцией искусства?

— Я не ставлю себе цели закрыть определенную тему — когда-то пыталась это делать, но поняла, что получается скучно: рано или поздно для этого придется собирать вещи, которые мне не близки. Я, например, не касаюсь авангарда, этой сложной темы на стыке искусства, философии и социально-политического движения. Хотя я очень гордись тем, что смогла поддержать показ архива Харджиева, этот последний миф авангарда с документальными свидетельствами. А о конечности... Наверное, в какой-то момент можно поставить точку и остановиться, все равно это будет уже коллекция. Но пока для меня коллекция — это образ жизни: она растет и развивается, как дерево, где каждая следующая ветвь становится точкой отсчета чего-то нового.

— О некоторых коллекционерах говорят, что они жадные — очень не любят снимать работы со стены. Для вас расставаться с работами тяжело?

— Конечно, я тоже жадная — ничего не хочется снимать со стены, но все равно я с удовольствием отдаю работы на музейные выставки, потому что понимаю: для вещи важно, чтобы она жила. Хотя после того, как пришлось отдать любимую вещь Рогинского в Помпиду, я переживала год — вот она, коллекционерская жадность.

— Если бы вы могли купить одно — любое — произведение искусства в мире, но для этого вам пришлось бы расстаться со своей коллекцией, то что бы это было?

— Наверное, я не стала бы этого делать. Собственная коллекция создавалась, чтобы с ней жить. Конечно, есть вещи недостижимые, вроде Вермеера или Питера Брейгеля Старшего, но зачем мечтать о несбыточном? Можно сказать, что я научилась любить их платонически.

ЦЕРЕМОНИЯ ВРУЧЕНИЯ VI ЕЖЕГОДНОЙ ПРЕМИИ THE ART NEWSPAPER RUSSIA

